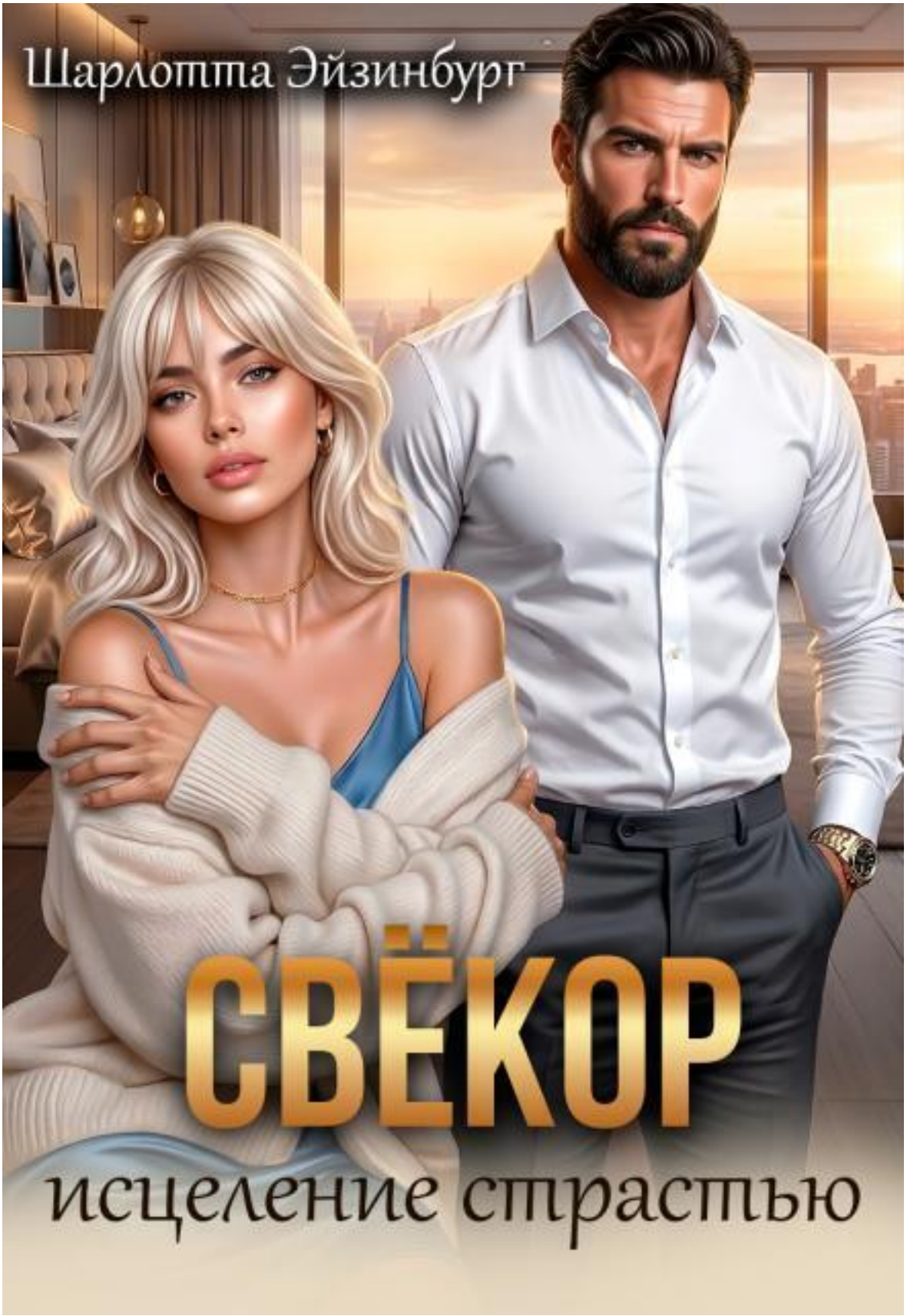

Шарлотта Эйзинбург
СВЁКОР
исцеление страстью

Шарлотта Эйзинбург

Свёкор. Исцеление страстью

«Литнет»
2026

Эйзинбург Ш.

Свёкор. Исцеление страстью / Ш. Эйзинбург — «Литнет», 2026

Год счастливого брака оказался грязным пари на новую машину. Мой муж оказался предателем, которому плевать на меня и на мою маму, нуждающуюся в срочном и дорогом лечении. Оказавшись на грани отчаяния, я получила помощь оттуда, откуда меньше всего ждала. Он — властный, жесткий и невероятно притягательный. Он взял меня под свою защиту и пообещал спасти мою семью. Но есть одна проблема. Он — отец моего мужа, которого я увидела впервые в жизни. И я боюсь, что цена за его помощь окажется для меня слишком обжигающей.

© Эйзинбург Ш., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Глава 1

Выхожу из такси, поправляя одной рукой голубое коктейльное платье на бёдрах, а второй крепко держу пакетик с коробкой домашнего тортика. Сама сегодня испекла, решила мужу на работу взять, порадовать. Он сладкое любит.

Чуть пошатываясь на непривычно высоких для меня каблуках, иду в сторону бизнес-центра. Белоснежные волосы развивает ветер. Они разлетаются и неприятно прилипают к губам, накрашенным блеском. Сегодня я совсем не в своём образе. Для меня привычней строгая юбка карандаш, рубашка, пиджак и аккуратные туфельки на небольшом каблуке. Именно в таком виде я ежедневно выхожу на работу в школу.

Но сегодня муж настоял, чтобы я надела именно этот наряд на неформальную встречу с его бизнес-партнёрами. Я, конечно, сопротивлялась, но если для Тёмы так важно, чтобы его жена выглядела эффектно, то я могу поступиться своими принципами.

Подхожу к главному входу и бросаю беглый взгляд на часы. Шесть вечера.

— Чёрт, а где Тёма? Договорились же ровно в шесть, — шиплю, и из кармана сумки достаю мобильный.

На нём два пропущенных от мамы. Сердце сразу падает в пятки. Неужели опять что-то случилось?!

Но прежде, чем набрать ей, открываю переписку с мужем, чтобы маякнуть ему, что я уже на месте. Пролистываю наш чат и недовольно цокаю.

— Вот же, — сжимаю от злости телефон и морщу носик.

Оказывается, мы договаривались на семь. Я весь день как белка в колесе крутилась, дополнительные уроки французского с моими учениками, уборка дома, готовка, потом ещё этот дурацкий наряд. Как итог в голове всё перемешалось.

Но это не самое страшное, что может случиться, посижу в кабинете Тёмы часик. Подожду пока он закончит. Поправляю лямку сумки на плече и, набрав маме по телефону, захожу внутрь бизнес-центра.

— Алло, доченька, привет, — голос мамы как всегда немного уставший, вымотанный.

— Мамуль, ты звонила? — обеспокоено спрашиваю. — Прости в такси была, не слышала. Что-то случилось?

— Нет, ничего страшного, — слышу в голосе улыбку. — Хотела спросить, как у тебя дела? Как твои непоседы?

— Все хорошо, мам, — отвечаю маме ипараллельно киваю сотрудникам компании моего мужа. — Сегодня вообще молодцы, новые слова учили.

— Рада слышать, — мама замолкает на секунду, а затем вздыхает. — А я вот внуков всё жду. Неизвестно, сколько мне с моим-то диагнозом осталось...

Сжимаю трубку так, что костяшки пальцев белеют.

— Мам, пожалуйста, не говори так. Врач сказал, прогноз хороший. И Тёма... Тёма пока не готов к детям.

Но мама, словно не слыша, продолжает:

— Сегодня была у врача. Назначили еще курс капельниц... А пенсия моя, ты знаешь...

— Не волнуйся, — поспешно перебиваю я. — Тёма поможет, как всегда. Он уже нашел в столице хорошую клинику. Если всё сложится, на следующей неделе поедем на обследование. Да и с капельницей он поможет.

— Какого ты золотого человека нашла, дочка. Такого доброго, заботливого... — мама расплывается в благодарностях.

Маме Тёма понравился с первого взгляда, едва я их познакомила год назад. Её покорила сама картина: двадцатитрехлетний юноша, уверенно управляющий собственной IT-ком-

панией. В её глазах он был воплощением идеала: перспективный, успешный, с обаятельной улыбкой и старомодными галантными манерами. Он окружил меня таким плотным коконом заботы, что уже через месяц, в ресторане на берегу залива, моё «да» сорвалось с языка само собой.

Свадьбу он не захотел — назвал пышное торжество «пафосом для дураков». Я не спорила; важен был он, а не ритуал. Поэтому мы ограничились красивой росписью, на которой присутствовали лишь мы двое и моя мама. Его отец, владелец нескольких компаний за границей, так и не приехал — и за весь год я ни разу его не видела. История с матерью Тёмы оставалась загадкой, смутным пятном в прошлом. Всё, что я знала — что его с детства воспитывал один отец.

— Да, мамуль, мне повезло, — подтверждаю, расплываясь в улыбке. — У нас, кстати, через три недели годовщина свадьбы. Помнишь?

— Ох, девочка моя, уже целый год прошёл, — вздыхает мама. — Как же быстро летит время.

Подхожу к приёмной мужа и тихонько заглядываю. Секретаря на месте нет, приёмная пустая.

— Мам, я сейчас к мужу пришла. Давай я тебе позже перезвоню. Хорошо?

— Конечно, — отвечает мама. — Передавай привет зятю.

Отключаю звонок и кладу телефон в сумочку. Прохожу в приёмную. Дверь в кабинет мужа приоткрыта. Оттуда доносятся приглушённые голоса. Подхожу ближе. Хочу дёрнуть за ручку, но замираю.

— Неужели у тебя получилось одурачить эту девчонку? — по голосу узнаю лучшего друга мужа, Никиту.

— А я тебе говорил, что спорить со мной себе дороже, — нагло ухмыляется муж. — Так что через три недели прошу привезти новенькую бэху ко мне в гараж.

— Годовщина уже через три недели? — удивляется Никита.

— Ага, — аж причмокивает Артём.

— А потом, что с девчонкой будешь делать?

— Та хер его знает, — слышу, как муж ставит стакан, скорее всего с виски, на стеклянный столик. — Можешь себе забрать, если нравится.

— Не, братишка, такие пресные и невинные не в моём вкусе, — смеётся Никита.

— Думаешь я с кайфом этот год прожил? — смеётся муж. — Да, мне домой тошно было возвращаться каждый день.

— Неужели всё так плохо?

— Спектакль неумелого актёра, — фыркает Артём. — Знаешь, как тяжело было возвращаться каждый день к этой «идиллии» после настоящего секса со Светкой-секретаршей прямо здесь, на столе? Каждый раз рисковал, что спалит.

— Она у тебя дурочка влюблённая, — хмыкает Никита. — Простила бы. Я видел какими глазами она на тебя смотрит.

— Ещё бы в постели что-то умела, а не только глазками хлопать.

После этих слов торт из моих рук просто выпадает и с треском разбивается об пол. В кабинете мужа слышатся шаги.

Я не двигаюсь. Не могу пошевелиться. Ноги будто приросли к полу, залитому кремом и бисквитом.

Глава 2

Дверь распахивается, и на пороге появляется Артем.

— Ева? Что это? — его голос фальшиво-спокоен.

Я медленно поднимаю на него глаза. В моем взгляде — не слезы, а лед.

— Это твой торт, Артем, — говорю я совершенно бесстрастно, и со всей силы отвешиваю муженьку смачную пощёчину.

Развернувшись на каблуках и, взмахнув волосами, иду в сторону выхода.

— Стой, — муж грубо хватает меня за предплечье. — Остановись, Ева!

— Не трогай меня, — рычу и выдёргиваю руку из его крепкого хвата.

Я почти бегу к выходу, каблуки предательски подворачиваются. Он настигает меня за пару шагов до двери, резко хватает за плечо и с силой разворачивает к себе. Его руки сжимают мою талию, притягивая так близко, что наши лбы почти соприкасаются.

— То, что ты слышала это всё блеф, — шепчет и носом проводит по моей щеке. — Я люблю только тебя, девочка моя.

Он нагло опускает ладонь с талии мне на ягодицы и по-хозяйски сжимает.

— Я это делал ради нас с тобой, — шепчет мне на ухо, прикусывая мочку. — Я вру Никите, чтобы выиграть машину.

Недовольно хмыкаю и со всей силы отталкиваю мужа в сторону.

— Отойди от меня, — рычу, чувствуя, как по щеке катится горькая слеза. — Я не верю тебе!

— Перестань, придумывать глупости, Ева, — пальцем вытирает слезу. — Хватит меня позорить.

И в этот миг всё обрушивается на меня лавиной. Не только его слова — циничные, похабные. А всё. Год жизни. Год лжи. Я доверяла ему. Он был моим первым мужчиной. Я закрывала глаза на многое в наших отношениях, в том числе и на то, что я ни разу не испытала с ним настоящий оргазм. Приходилось доводить себя до пика пальчиками, пока муж мылся в душе. Стыдно было жутко. А он, выходит, просто ко мне равнодушен был. Настоящих баб у него полно.

Сволочь!

От этих мыслей аж тошнит.

— Не трогай меня, — выдыхаю. Голос срывается. — Все. Конец.

Отталкиваю его и бегу по коридору. Каблуки подламываются, но я не падаю.

— Ева! Стой! — орет он сзади. — Я же знаю, что ты приползёшь ко мне на коленях потом.

— Не подходи ко мне! — ору, влетаю в лифт и долблю по кнопке. — Я тебя ненавижу!

Двери закрываются. Он остается снаружи. А я в пустой железной коробке, и меня наконец-то разрывает рыданиями.

Шмыгаю носом и достаю из сумки салфетку, протирая влажные от слёз щёки. Макияж весь поплыл, выгляжу, наверное, просто чудовищно.

Выхожу на улицу, все еще пошатываясь на этих дурацких шпильках. Встречный ветер бьет в лицо — прохладный, резкий. Я закрываю глаза и подставляю ему свое красное, заплаканное лицо. Ветер смывает всю эту дрянь, всю ложь. Дышу глубоко, глотаю этот холодный воздух. В голове потихоньку проясняется. Слезы еще не высохли, но внутри уже не бушует ураган, а просто воет тоска.

Не помню, как доезжаю до нашего дома. Поднимаюсь на второй этаж. Достаю из шкафа чемодан, раскрываю его и кидаю вещи из шкафа. Замираю, сжимая кофточку,и оседаю на диван.

Мне сейчас некуда идти… У мамы больное сердце, если я приду в таком виде, её может хватить удар от шока. Я сама на нервах и не смогу ей в моменте ничем помочь. Подруг у меня в этом городе так не появилось. Можно переночевать в гостинице пару дней, а потом что-то придумать, но это сильно ударит по моему бюджету.

Босиком прохожусь по раскиданному белью, вытираю мокрый нос и спускаюсь на кухню, выпить стакан воды.

Всё сегодня верх дном…

Делаю глоток прохладной воды и прикрываю глаза. На мгновение мне кажется, что на втором этаже хлопнула дверь и послышались шлепки босых ног. Я вздрогнула и обернулась. Звук прекратился.

— Уже галлюцинации начались от стресса, — выдыхаю, вцепившись ладонями в столешницу.

Из мыслей меня вырывает телефонный звонок. Прикусив нижнюю губу, поднимаю трубку.

— Да, слушаю, — говорю устало.

— Ева Александровна? — слышу серьёзный мужской голос.

— Всё верно.

— Меня зовут Анатолий Николаевич, я лечащий врач вашей мамы, — сердце пропускает удар, по спине бегут мурашки.

— Что-то случилось?

— Ева Александровна, у нас плохие новости. Результаты ЭКГ и анализ на тропонин показывают, что состояние Нины Георгиевны ухудшилось. Ее нестабильная стенокардия прогрессирует. Риск инфаркта в текущем состоянии очень высок.

— Но как?! Она же вроде чувствовала себя лучше...

— К сожалению, это коварная болезнь. Назначенной терапии уже недостаточно. Нужна срочная коронарография — это исследование сосудов сердца. Если обнаружатся критичные сужения, возможно, понадобится стентирование. Я настоятельно рекомендую сделать это как можно скорее.

— Хорошо... что нужно делать?

— В частной клинике «Кардио» у меня есть возможность записать вас на послезавтра.

— Записывайте, — выдыхаю, крепко сжав мобильный в руке.

— Хорошо, — подтверждает врач. — Послезавтра на шесть вечера. Полный прайс вам вышлет администратор сообщением.

— Спасибо, — отключаю звонок и опускаю голову вниз.

Сообщение с ценами на услуги приходит мгновенно. Я пролистываю и устало тру переносицу. Сейчас у меня нет таких денег на счету… Можно попросить в бухгалтерии на работе, чтобы выплатили мне аванс раньше на пару недель. Объяснить ситуацию. Но даже этого хватит только на обследование, а если понадобится стентирование? Без мужа мне никак не оплатить лечение мамы.

Снова слышу сзади себя шаги и резко разворачиваюсь, открыв рот.

Со второго этажа спускается мужчина. Он замирает на полпути, и кажется, так же поражен моим присутствием, как и я — его. На нём чёрные брюки и белоснежная рубашка, с расстегнутыми двумя верхними пуговицами. Ткань обтягивает мощный торс, намечая каждый мускул на груди и плечах. Рукава закатаны до локтей, обнажая сильные, прожиленные предплечья, загорелые и покрытые легкой сетью вен.

Но главное — его лицо. Резкие, словно высеченные из гранита черты, твердый подбородок, коротко стриженные темные волосы с проседью на висках. И взгляд. Темный, тяжелый, пронизывающий. Он изучает меня, мои заплаканные глаза, растрепанные волосы, мое дурацкое голубое платье.

Неужели это…

Глава 3

Задыхаюсь. Сердце колотится где-то в горле. Передо мной стоит... Мой свёкор?! Тот самый, которого я видела только на фотографиях.

Он спускается с лестницы и подходит ко мне. Нас разделяет один лишь стол.

Он не похож на Тёму. Совсем. Он намного выше, волосы чёрные, как смоль и взгляд такой... пронизывающий. Чувствую себя полной дурой в этом дурацком платье, с размазанной тушью и растрепанными волосами.

Хотя какая к чёрту разница. Мне больше не нужно на него производит впечатление примерной невестки.

— Ева, — произносит он мое имя. Голос низкий, спокойный. Властный. — Похоже, у тебя был тяжелый день.

Я могу только кивнуть, сжимая в потных ладонях телефон.

— Я... я просто за вещами, — бормочу. — Сейчас соберусь и уеду.

— Куда? — спрашивает он просто. Один единственный вопрос, от которого у меня перехватывает дыхание.

— В... в гостиницу.

Он медленно качает головой, и его взгляд скользит по моему лицу, по дрожащим рукам.

— В гостиницу в таком состоянии? Не лучшая идея. Поедешь ко мне. В загородный дом. Успокоишься, придешь в себя.

Меня будто током бьет.

— К вам? Нет, что вы... я не могу... это как-то неправильно.

— Неправильно — ночевать одной в номере, когда ты вся трясёшься, — парирует он, и в его голосе слышится легкая насмешка. — А у меня большой дом, и я давно хотел познакомиться с женой сына. Хотя, судя по всему, знакомство вышло так себе.

Он делает шаг вперед.

— Почему вы... здесь, Всеволод Аркадьевич? — спрашиваю я, пытаясь отвлечься и перевести дух.

— Прилетел сегодня из Швейцарии. По делам, на месяц. В моем доме сейчас клининг, вот и заехал сюда помыться и переодеться. Это, между прочим, тоже мой дом. Я его Артему отдал, когда он женился. Думал, семейное гнездышко будет. А этот дебил... — он резко обрывает, и по его лицу пробегает тень презрения. — ...всё проебал, как всегда. Собирайся. Я даю тебе десять минут.

— Хорошо, — выдыхаю я.

«Что я делаю? — стучит в висках навязчивая мысль. — Еду к свёкру, которого вижу впервые? Это безумие. Но когда я смотрю на его спокойное, высеченное из гранита лицо, на эти широкие плечи, за которые, кажется, можно спрятаться от всего мира, мой внутренний ураган понемногу стихает. Он — как скала в шторм. А я сейчас — тонущий корабль. Мысли о пустой гостиничной комнате, о своих дрожащих руках и о сумме в смс от врача вызывают новую волну паники.

Нет мне сейчас однозначно нельзя оставаться одной, это просто сведёт меня с ума.

— Вот и умница, — он кивает и, поправив золотые запонки на рубашке, разворачивается к входной двери.

Я пулей взлетаю на второй этаж, срываю с вешалок какие-то джинсы, футболки, свитер и белье, сую все это в чемодан. Руки дрожат, не могу нормально молнию застегнуть. В голове каша. Полный бардак. Внутри тремор, сердце колотится, коленки дрожат…

Спускаюсь вниз, волоча чемодан. Я все еще в этом идиотском голубом платье и на каблуках. Не до переодевания.

Свёкор молча забирает чемодан из моих рук и жестом показывает на дверь. На улице стоит огромный черный внедорожник. Он открывает передо мной пассажирскую дверь.

— Садись в машину, Ева.

Когда я протягиваю руку, чтобы ухватиться за поручень, его ладонь накрывает мою. Крепко, уверенно сжимает, и от этого неожиданного прикосновения у меня перехватывает дыхание. Я замираю, словно кролик перед удавом. Его пальцы шершавые, теплые, и это тепло пронзает меня до самых костей.

Он не отпускает мою руку секунду, две, и за это время я успеваю поймать его взгляд. Он черный, тяжелый, пронизывающий насквозь. Мне кажется, он видит всё: и следы слез на моих щеках, и дрожь в пальцах, и ту пустоту, что разлилась внутри после предательства Артема. От этого взгляда по спине бегут мурашки, а в животе трепещут бабочки.

И сквозь это смятение я ловлю его аромат — тонкий, дорогой шлейф парфюма, в котором угадываются ноты кожи, древесины и чёрного перца. От этого сочетания его силы, тепла и этого запаха внутри у меня всё сжимается в тугой, трепещущий комок. Стыдно, неловко, но и... чертовски притягательно.

Едем в полнейшей тишине. Я смотрю в окно, пытаясь не реветь. В горле стоит ком. Так обидно, так больно, что хочется выть. Чувствую, как по щеке снова ползет предательская слеза, и резко смахиваю ее.

И тут я снова ловлю на себе его взгляд. Он смотрит на меня. Не постоянно, но часто. Тяжелый, изучающий. От этого взгляда по спине бегут мурашки.

Внезапно его правая рука срывается с руля и ложится поверх моей, сжимающей сумочку. Я вздрагиваю и инстинктивно пытаюсь дернуть руку. Но его ладонь придерживает мою. Большая, теплая. Шершавые подушечки пальцев начинают медленно, почти нежно гладить мою кожу. Вверх-вниз. И... черт возьми, это приятно.

— Не переживай, — говорит он тихо, не глядя на дорогу. — Всё наладится.

Я ничего не отвечаю. Не могу. Просто сижу и смотрю, как его сильная рука покрывает мою маленькую, дрожащую.

Наконец, мы сворачиваем за высокий забор и останавливаемся перед огромным домом. Я резко открываю дверь, почти выпадая наружу из этого огромного внедорожника.

Шатаясь на неудобных туфлях, обхожу машину.

— Я достану чемодан, — говорю я и тянусь к багажнику.

Каблук подворачивается на гравийной дорожке. Я с глухим стуком падаю на колени, ладонями в мелкие камушки. Платье заляпано пылью.

— Вот черт! — шиплю я, пытаясь подняться.

— Сильная и независимая? — его голос звучит низко и чуть насмешливо. Он берёт меня под локоть и помогает встать.

Его пальцы обжигают кожу. Я отряхиваюсь, поднимаю голову... и мир сужается до точки. До нас двоих. Мы так близко, что я вижу золотистые искорки в его карих глазах, чувствую его ровное, теплое дыхание на своих губах. Внутри все сжимается в тугой, горячий комок. Я должна отодвинуться, но ноги не слушаются.

Вижу каждую морщинку у его глаз, каждую серебристую ниточку в темных волосах.

Внутри всё сжимается.

— Пойдём, — он легонько подталкивает меня, приобняв за талию. — На улице холодно, а ты и так вся издергалась.

Глава 4

— Твоя комната, — бросает свёкор, ставя мой чемодан в просторной спальне. — Раздевайся и заходи в соседнюю дверь, я пока наберу ванну.

От этих двух слов по моему телу пробежал разряд. Я замерла, чувствуя, как горячая волна стыда заливает щёки.

— Что сделать? — прошептала я, надеясь, что ослышалась.

Всеволод медленно повернулся ко мне. Его взгляд, тяжёлый и пронизывающий, скользнул по моему лицу, шее, груди, будто срывая с меня дурацкое голубое платье.

— Что непонятного я сказал? — поднимает бровь и снова насмешливо приподнимает уголки губ. — Ты упала и испачкалась, плюс ванна хорошо расслабляет.

Боже, кажется, я сама себе что-то нафантазировала, и сама же вляпалась в это.

Пока он скрывается в соседней комнате, я стою посреди незнакомой спальни, как истукан. Слышу, как с шумом бежит вода. Сердце опять колотится, как сумасшедшее. Что вообще происходит? Я в доме у свёкра, он набирает мне ванну, муж меня предал и унизил, ещё и это платье дурацкое! Поскорей бы от него избавиться.

Слышу его шаги. Он возвращается в дверной проем, опирается о косяк и скрещивает руки на груди. Смотрит на меня тем самым пронизывающим взглядом.

— Что у тебя случилось, Ева? Почему ты решила уехать от Артёма? — спрашивает он.

— Это уже не имеет никакого значения, — опускаю глаза в пол.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Пространство между нами исчезло. Чувствую тепло, исходящее от него, вдыхаю его терпкий аромат, от которого кружится голова.

— Врёшь, — его палец провёл по моей щеке, смахивая непрошеную слезу. Грубая кожа вызывала мурашки. — Говори. Или мне заставить тебя?

Делаю глубокий вдох, затем выдох. И потом всё вываливаю наружу. Про то, как приехала раньше и услышала разговор мужа с Никитой. Про пари на новую машину. Про то, что наш брак — фикция, а я — разменная монета. Голос срывается, когда дохожу до мамы. До её болезни, до денег, которых у меня нет... Слёзы, которые я пыталась сдержать всё это время, наконец прорываются наружу. Я всхлипываю, пытаюсь вытереть лицо, но они текут и текут.

И тут он подходит ко мне впритык. Медленно. Не говорит ни слова. Просто обнимает меня. Нежно, но в то же время так крепко, что у меня снова перехватывает дыхание. Я утыкаюсь лицом в его грудь, в мягкую ткань рубашки, чувствую его тепло и тот самый парфюм. И от этого объятия во мне что-то обрывается. Я плачу ещё сильнее, цепляясь за него, как утопающий за соломинку.

Он не торопит меня, просто держит, пока рыдания не стихают.

— Тебе нужно расслабиться, отвлечься от всего этого, — его руки медленно поднимаются и дёргают бегунок на молнии платья.

— Нет... я сама... — пытаюсь я запротестовать, хватая его за запястье.

—— Не сопротивляйся, Ева. Ты сама хочешь этого, — хрипло, еле слышно произносит он.

Его пальцы медленно, не спеша, опускают молнию. Платье с шелестом сползает с моих плеч и падает на пол к моим ногам. Я стою перед ним в одном только лифчике и трусиках, чувствуя, как по коже бегут мурашки. От стыда... От того, как он на меня смотрит.

Затем он расстегивает лифчик. Одним движением. Грудь мягко выкатывается наружу.

Он приседает на корточки, его пальцы зацепляются за резинку моих трусиков. Он медленно стягивает их вниз, и его шершавые подушечки скользят по моей коже на бёдрах. Дыхание снова перехватывает.

Его тёмный взгляд пожирает меня, дюйм за дюймом, задерживаясь на груди, на изгибе талии, между дрожащих бёдер.

— Прекрасна, — хрипло произнёс он.

Прежде чем я успеваю что-то понять или сказать, он легко подхватывает меня на руки. Я вскрикиваю от неожиданности, инстинктивно обвивая его шею руками.

Он заносит меня в ванную комнату. Вода в ванной набрана почти до краёв, вся в пушистой белой пене. Он аккуратно опускает меня в тёплую воду.

— Лежи, — его голос бархатный, умиротворяющий. — Отдыхай.

Потом выходит, притворив дверь, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я лежу в воде, прикрыв глаза. Тёплая вода смывает с меня всю усталость, всю грязь и все унижения, что скопились внутри. Мысли носятся вихрем: Артём, мама, деньги... и он. Всеволод Аркадьевич. Его властные руки, его насмешливый взгляд, его неожиданная нежность. Что ему от меня нужно?

Я лежу, может быть, минут двадцать, может, час. Время теряет смысл. Усталость наваливается такая, что кажется, я никогда не смогу отсюда выбраться. Я пытаюсь подняться, но руки и ноги не слушаются, они как ватные.

Из полузабытья меня выдёргивает стук в дверь.

— Ты жива там? — слышу его голос.

— Я... я не могу встать, — бормочу я в ответ, раздражаясь из-за собственной слабости.

Не говоря ни слова, он заходит в ванную. На нём лишь серые спортивные штаны, идеально сидящие на ягодицах. Смуглый, рельефный торс обнажён. Он наклоняется, сливает воду, а потом протягивает руку и помогает мне подняться.

Заворачивает меня в огромное, мягкое, тёплое полотенце, словно ребёнка, и снова поднимает на руки. На этот раз я даже не вздрагиваю, просто прижимаюсь к его груди. Он несёт меня обратно в спальню и укладывает на огромную кровать.

— Сейчас я принесу тебе ужин, — он крепко сжимает мою ладонь и проводит большим пальцем по нежной коже. Мы встречаемся взглядами, по телу словно разряд тока пустили, внутри всё замирает.

Но этот чувственный момент обрывает звонок моего мобильного. Устало перевожу взгляд на телефон, лежащий на тумбочке. Звонок от мужа…

Глава 5

Глаза сами собой поднимаются на Всеволода. Он не убирает руку. Его взгляд тяжёлый, спокойный, выжидающий.

— Тебе не обязательно отвечать, — говорит он тихо. — Ты никому ничего не должна.

Но что-то внутри меня, какая-то глупая, выдрессированная годами привычка, заставляет мои дрожащие пальцы потянуться к телефону. В голове сразу пробегает мысль, что муж способен начать давить на меня через маму. И только страх за неё подталкивает меня взять трубку.

— А... алло? — стараюсь говорить уверенно, но понимаю, что внутри всё трясётся.

— Где ты ?! — рёв Тёмы оглушает меня. Я инстинктивно отдергиваю телефон. — Я тебя по всему городу ищу! Возвращайся, блять, немедленно домой, или твоей мамаше больше не нужны лекарства?

Прикусываю нижнюю губу до крови и сильнее сжимаю трубку телефона от злости, от волны агрессии, что рвётся наружу.

Не могу вымолвить ни слова. Просто слушаю этот поток грязи и ненависти. Краем глаза вижу, как сжимаются кулаки Всеволода. Он всё слышит.

В мгновение его терпение лопается. Одним плавным, но неотвратимым движением он забирает телефон из моей ослабевшей руки и подносит к уху.

— Артём, — его голос низкий, без единой нотки эмоции. — Твоё время для разговоров с Евой вышло.

Он не ждёт ответа. Просто кладет палец на экран, отключая вызов, и ставит телефон на беззвучный режим. В комнате снова повисает оглушительная тишина.

Свёкор внимательно смотрит на меня, просто сверлит тёмным взглядом.

— Молодец, — хрипло говорит он. — Ты посмотрела своему страху в глаза. В последний раз.

Он проводит большим пальцем по моей щеке, смахивая слезу. Прикосновение обжигает.

— Теперь ты под моей защитой. Поняла?

Киваю, проглатывая горький корм, что застрял в горле.

— Я принесу тебе ужин.

— Нет, — выдыхаю я. — Я... я не хочу есть здесь, как умирающая. Я спущусь вниз.

Всеволод смотрит на меня с лёгким удивлением, которое тут же сменяется одобрительной искоркой в глазах. Он медленно кивает.

— Как скажешь.

Он выходит из комнаты, и я остаюсь одна. Эмоции накатывают новой волной. Денёк вышел очень напряжённым. Давно я не испытывала столько стресса за раз. От этих мыслей становится физически тошно.

На руке, где меня касался свёкор до сих пор бегают мурашки и от этого чувства внутри будто пожар разгорается. От него исходит какая-то дикая, животная энергия. Его руки... большие, сильные, с шершавыми подушечками пальцев. Мне так хочется утонуть в них, забыть обо всём, просто чувствовать их на своей коже.

Стряхиваю с себя эти дурацкие мысли и подхожу к чемодану. Достаю простое чёрное нижнее белье и длинную серую футболку, которую обычно использую как ночнушку. Переодеваюсь. Краем глаза цепляюсь за своё отражение в тёмном окне — бледное лицо, огромные, печальные глаза…

Спускаюсь по лестнице, ощущая как в нос проникает приятный аромат домашней еды. Живот начинает призывно урчать, напоминая, что я не ела ничего с самого утра.

Внизу, в огромной гостиной с панорамными окнами, накрыт стол. Всеволод деловито раскладывает по тарелкам спагетти болоньезе. Аромат просто с ума сводит.

— Садись, — говорит он, отодвигая для меня стул.

Присаживаюсь, положив на колени салфетку. Он ставит передо мной тарелку, затем наливает в мой бокал воду с лимоном. Он садится следом и пододвигает к себе свою тарелку. Первые пять минут мы едим в абсолютной тишине, нарушаемой лишь стуком вилки о тарелку и лёгким причмокиванием.

Как только последняя крошка исчезает с тарелки мужчины, он поднимает на меня взгляд и откладывает вилку в сторону.

— Я всегда знал, что мой сын вырос подонком, — начинают он, а я чуть ли не давлюсь от его слов. Кашляю и отпиваю из бокала воду. — Воспитанием занимались няни, мне было не до него. В молодости я был глуп. Его мать была певицей в клубе, куда я часто ходил. Красивая, яркая, пустая. Она родила, но я забрал ребёнка. Она много пила, постоянно вляпывалась в мутные истории с местными ублюдками. Я не мог оставить своего сына с ней. Артём характером в неё пошёл — такой же ветреный, безответственный.

Он делает глоток воды.

— Я дал ему всё. Часть компании, дом, деньги. Но наделённый властью болван — это опасно.

Медленно перевариваю услышанное. Значит мои догадки были верны, я и раньше подозревала, что мой муж ничего не добился сам. Но он говорил об обратном. Ещё с первого дня нашей встречи утверждал, что папа его бросил одного и ему бедному пришлось выкручиваться, прогрызая зубами путь в этот мир.

— Ты теперь под моей защитой. Можешь оставаться здесь столько, сколько нужно. С матерью я помогу. Деньги выделю, найду лучшего врача, — от его слов мурашки по спине.

Слёзы снова наворачиваются на глаза, но теперь — от благодарности.

— Спасибо, — шепчу я.

Я доедаю. Он встаёт, подходит к большому шкафу и достаёт оттуда бутылку вина.

— С моей винодельни в Тоскане, — говорит он, показывая этикетку. — Попробуешь? У него насыщенный вкус, нотки вишни и чёрного перца.

— Да, — соглашаюсь я. Почему бы и нет? Мой мир уже перевернулся с ног на голову.

Он наливает вино в большой бокал и протягивает мне. Я делаю глоток. На вкус оно... тёплое, бархатистое, с глубоким, чуть терпким послевкусием. Согревает изнутри.

— Нравится? — спрашивает он, наблюдая за мной.

— Очень.

— Тогда, может, спустимся? Покажу тебе кое-что.

— Что?

— Бильярд. Умеешь играть?

— Нет, — качаю голову.

— Научу, — его губы трогает лёгкая улыбка.

Мы спускаемся по винтовой лестнице, в просторный кабинет, находящийся на цокольном этаже. Одну стену занимают стеллажи с вином, другую — книжные шкафы. В центре — зелёное сукно бильярдного стола, освещённое лампой, которая отбрасывает мягкий, интимный свет. Полумрак и запах кожи, дерева и старой бумаги.

Всеволод ставит свой бокал на барную стойку и подходит к столу.

— Основные правила просты, — говорит он, взяв кий в руки. — Нужно забить свои шары в лузы. Вот так.

Он делает несколько точных, элегантных ударов. Шары со стуком раскатываются по сукну, и один за другим исчезают в лузах. Он двигается легко, мощно, его спина напряжена, мышцы сексуально перекатываются.

Не могу отвести глаз. Эта картина завораживает.

— Теперь твоя очередь, — он протягивает мне кий.

Я неуверенно подхожу. Он становится сзади меня.

— Вот так, — его голос звучит прямо у моего уха. Он наклоняется, его грудь почти прижимается к моей спине. Его большая, тёплая рука ложится поверх моей, поправляя хватку. — Пальцы здесь. Корпус прямо. Смотри на шар.

Я вся замираю. Его дыхание обжигает мою шею. Я чувствую каждую мышцу его тела, его тепло, его запах. Внутри всё сжимается и плавится одновременно.

— Теперь удар, — шепчет он.

Я делаю неуверенный толчок. Шар прокатывается и врезается в борт.

— Неплохо для первого раза, — он отпускает мою руку, но не отходит. Его ладонь скользит вниз, с моей руки на талию, и остаётся там, горячая и тяжёлая.

Он отходит к стойке, отпивает глоток вина, наблюдает, как я пытаюсь повторить удар. Его взгляд тяжёлый, оценивающий, заставляющий кровь бежать быстрее.

— Умница, — говорит он, когда у меня наконец-то получается закатить шар в лузу.

— Кажется это несложно, — я разворачиваюсь к нему лицом.

— Кем ты работаешь? — задаёт он вопрос, вальяжно облокотившись о барную стойку.

— Я учитель французского в школе, — отвечаю, и делаю глоток вина из бокала. Внутри всё опять трясётся, но только уже не из-за страха или обиды на мужа, а из-за этого взгляда, что пожирает меня.

— Учительница значит? — он делает глоток вина и ставит бокал на стойку. — Мне как раз нужен в компанию, которая работает на французский рынок, переводчик. Зарплата в несколько раз выше, чем у учительницы в школе, да и условия сама понимаешь.

— Вы предлагаете мне уволиться и переехать?

— Ты всё верно поняла, — кивает и приподнимает уголки губ в улыбке.

— Я не смогу оставить маму одну, — пожимаю плечами.

— Это не проблема, — говорит твёрдо. — Ну что, вернёмся к игре, — он кивает в сторону бильярдного стола.

Киваю и разворачиваюсь, склонившись над столом. Краем глаза замечаю, как свёкор подходит ко мне ближе. Я думаю, он снова будет поправлять мою руку. Но его ладонь проникает под мою футболку.

Шершавая и обжигающе тёплая рука, ложится мне на голую кожу ягодицы. Я замираю, не в силах пошевелиться, не в силах выдохнуть. Он мягко, почти невесомо сжимает её, и его пальцы опускаются чуть ниже, скользя к самым сокровенным, трепетным складочкам между ног.

Сердце стучит где-то в горле. В ушах шумит кровь. Я закрываю глаза, тону в этом прикосновении, в этом головокружительном, запретном ощущении. Он не делает резких движений. Он просто держит свою ладонь там, заявляя о своём праве, сжигая ткань моих трусиков и всю мою волю одним этим касанием.

Вся комната, весь мир сузились до этого пятна жара на моей коже и до его тяжёлого дыхания у меня за спиной.

Глава 6

Я не могу пошевелиться, не могу дышать. Каждый нерв в моем теле застыл в ожидании, а между ног пульсирует горячая, влажная волна стыда и возбуждения.

Он медленно, почти невесомо, проводит указательным

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.